

Владислав Юрьевич Дорофеев

Мой батюшка Серафим

Владислав Юрьевич Дорофеев

Мой батюшка Серафим

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181848

Аннотация

«Мой батюшка Серафим» – это духовный опыт постижения православия. Несколько лет герой посещает Серафимо-дивеевский монастырь в Нижегородской области, место, где когда-то отшельничал и трудился на благо людей святой Серафим Саровский, один из самых почитаемых православных святых в мире. При этом, герой продолжает быть вписанным в свой профессиональный мир, но что-то, или даже очень многое переосмысливается и меняется.

Владислав Дорофеев

Мой батюшка Серафим

1981–1982

Звали его Николай Павлович. Внешне я его совсем почти не помню. Он был немного согорбленный, и с пронзительными глазами. Видно, что когда-то коренастый, плотный мужичок среднего роста. У него была жена с седыми волосами, добреющими глазами, приветливым лицом. Сам же он был необычайно внимателен в разговоре, располагал к общению, размашист душой. Он был священник, – об этом я узнал не сразу, – и настоящий богослов; занятие это меня завораживало, и мои мысли, мои представления и ощущения от этого его занятия, уносили меня в мир иной, нездешний, благовестный и сильный, божественный, неподвластный пониманию.

На лето он уезжал в Подмоскowie, где много лет подряд на лето снимал дачу, большой настоящий дом с садом, недалеко от станции, в старом дачном поселке. Я бывал там несколько раз, даже однажды я помог ему в начале июня перевезти вещи из Москвы.

Весна была поздняя, тепло пришло в конце мая, июнь начался спокойно, не жарко, а тепло. Было очень рано, тихо, суббота, на московских улицах покойно. Я пришел рано утром. То есть совсем рано – наверное между семью и восемь утра. В коридорчике и в большой комнате уже стояли многочисленные, перевязанные и не перевязанные веревками, коробки и чемоданы. Ждали такси. Через некоторое время машина (огромная коробчатая серая «Волга») подъехала, я начал выносить коробки.

Николай Павлович тогда уже в изрядном возрасте, ему далеко за семьдесят, но он довольно силен, и стоек духом, поэтому, несмотря на возраст, таскает коробки, почти не уступая мне. Мне кажется, что в тот раз я вместе с ними не поехал, мне нужно было на работу. На даче их уже ждал другой молодой человек, который и помог все вынести, а, может быть этим помощником за небольшую мзду был таксист. Не помню.

Я практически не помню и дачу. Кажется, дом стоял на широкой и пыльной, почти деревенской улице, кажется, в доме была веранда. От дома осталось много солнца, и много свободного пространства; на даче хорошо и широко дышалось и легко говорилось.

Не помню, кто нас познакомил. Возможно, это была старшая сестра моей крестной, Клавдия; или мой тогдашний приятель, Кирилл, православный человек (профессиональный геолог, аристократ по крови, он помог мне сформировать собственное представление о будущей моей семье, о православной семье; это была огромная семья с четырьмя детьми, с родителями, внешне неуклюжими и неуспешными по советским меркам, но любящими друг друга, престарелыми бабушкой и дедушкой, огромным полукруглым столом, за которым собиралась вся семья, молитвой перед обедом и еженедельными постами, простыми кушаньями, и шкафчиком с иконами и горячей лампадкой; иногда я у него оставался спать, потому что очень уставал; я тогда часто уставал, порой до кровавых соплей, у меня не было денег, не было жилья, не было еды и работы), – что, впрочем, не очень и важно теперь.

Важны лишь два следующих обстоятельства, изменившие и меняющие меня по сию пору: появление в моей жизни Николая Павловича, и реальное проявление молитвенной силы и молитвенных устремлений крестной моей мамы, во многом благодаря которым в моей жизни появился Николай Павлович.

Тем паче что я вспомнил. Я окончательно вспомнил. С Николаем Павловичем меня познакомила именно Клавдия, старшая сестра моей крестной.

Николай Павлович поверил мне, доверился, может быть, в этом доверии было что-то от любви, отцовской, может быть, он во мне увидел своего не рожденного сына (у него не было детей). Не знаю, или, эгоистической, увидев во мне себя прошлого. Однажды он мне дал

25 рублей, что было по тем временам довольно много (при средней ежемесячной зарплате, например, инженера 120 рублей). Я сказал, что вернуть я не смогу, на что он мне ответил, что он надеется, мол, я приду к нему на могилу после его смерти. Или нет! он мне ответил, что, может быть, я помогу на его похоронах.

Не пришел. Не помог.

Когда Николай Павлович умер, меня не было в Москве. Я и не знал о его смерти, я жил тогда на Дальнем Востоке, служил там журналистом, если бы я и узнал, не мог бы приехать на похороны, несмотря на обещание, – у меня совсем не было денег. Было трудно. У меня уже было двое детей, денег часто не хватало даже до зарплаты, даже на еду.

Но ведь и на могилу его я так и не пришел до сих пор. Потому что я не очень люблю кладбища, как, впрочем, и похороны. Нет, слово – любовь, здесь излишне. Потому что общение с умершими происходит в молитве, дома или в храме, а не на кладбище. Но я молюсь теперь ежеутренне за упокой его души.

Мы, наверное, много говорили о литературе, наверное, о Боге, о вере, и о человеке, во всех его проявлениях. Говорили о моих стихах. Разумеется. Потому что на тот момент – это был смысл и назначение, и основа моей жизни. Ведь это был самый начальный и самый плодотворный мой поэтический период.

Не знаю, что он во мне нашел, но однажды он мне подарил образок Серафима Саровского, который ему оставила его крестница, его духовная дочь, или просто бывшая прихожанка, – не помню. Так мне открылся православный святой, русский великан Серафим Саровский.

Серебряный образок, овал, словно яйцо в разрезе, старый и потертый, с тонким ушком, которое очень скоро порвалось, словно нитка, таким оно было протертым от соприкосновения со временем, шнурками и телами, о которых образок терся в продолжении более чем столетней своей жизни. И тогда в верхней части овала, под ушком, по центру, я пробил гвоздем дырку.

С тех пор прошло почти двадцать лет, так и ношу.

Расставался я с образком всего несколько раз. Во время рождений моих дочерей Анны, Анастасии, Веры, а также ради спасения заблудшей и бедной, неприкаянной души девочки М., которую я полюбил резко, стремительно, сильно, одномоментно и коротко, и вот сейчас, во время беременности моей жены.

Кажется, пару раз я терял образок, но никогда окончательно. Ношу этот серебряный овал преимущественно на шнурках, которых сменил во множестве разных, но лишь трех цветов – белый, серый, черный. Все цепочки рвутся у меня в первый или довольно близкий от покупки день. В конце концов остановился на черном сутаже (как запасной вариант – плетеный шнурочек из искусственных нитей). Черный сутаж – лучший шнурочек, какой есть в мире, для ношения святого серебряного овала с изображением сгорбленного старичка с бородой и кругом за головой.

Вместе с образком на шнурке я ношу и крест, сейчас серебряный, коренастый, по образцу древнерусских крестов, – при ходьбе овал и крест ударяются друг о друга, и радостно, серебристо звенят, перезваниваются, как язычки колокольчиков и колоколов из невидимых и неведомых миров, оглашая окрестности – мы идем, встречайте; обычно, когда я рано утром иду по коридору, просыпающиеся в комнате дети по этому звуку всегда узнают, что, вот, мол, папа проснулся, встал и идет.

1990, июнь-июль

Вряд-ли Николай Павлович предполагал, что когда-нибудь мы обретем мощи Серафима Саровского, по крайней мере он никогда о таком предположении не говорил вслух.

Прошло менее десяти лет, и вот в 1990 году, летом, в Богоявленском соборе, тогда центральном православном храме Москвы, в левом пределе, в неглубокой нише, рядом с боковым выходом, я молюсь у раки с мощами Серафима Саровского.

Ни с чем нельзя сравнить невероятный заряд силы, материальный сгусток энергии и славы Божьей, пронизавший меня в самый первый раз, когда я наклонился к раке с мощами Серафима Саровского, со стороны черепа, над отверстием в черной ткани, через которое коричневела черепная коробка.

Я тогда еще жил на Дальнем Востоке, и приехал в Москву по работе, поскольку уже трудился в издательском доме «Коммерсантъ».

Тем летом я дважды подходил к мощам, я дважды приезжал в Москву. Меня тянуло туда, к Серафиму. Тогда рядом с ним еще почти не было людей, еще не пенился, не бурлил у раки поток людской. Тем чудо обретения было чудеснее. Обыденность усиливала ощущение святого чуда, и святости происходящего обретения за ради спасения людей.

Когда я прикладывался к мощам, сила неземная входила в душу, будто стремительная и бесконечная энергетическая игла, струна, ось, соединяла небо и землю, и вот, уже соединившая землю и небо, пробивала все мое существо; и трепетая, как сушеная бабочка, я лишь созерцал свое состояние и себя со стороны, но, как ни странно, сохраняя присутствие духа и осознание духовного своего неотвратимого движения к небу.

Более всего поражала вещественность ощущений и энергии.

Всякий раз с тех пор, как я подхожу к мощам Серафима, я вспоминаю, не умом, а всем своим существом, и умом, и телом, и душой и духом самый первый раз, вспоминаю вещественность послания от Бога человеку, которое я почувствовал посредством святого Серафима, когда я подошел к мощам в первый раз.

В том же 1990 году мощи Серафима были определены в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь, в поселке Дивеево Нижегородской области; рака с мощами поставлена в Троицком соборе названного монастыря, слева от алтаря, напротив бокового входа. И 1 августа мощи обретены.

1995, ноябрь

Впервые я приехал в Дивеево к Серафиму в морозном ноябре 1995 года. Я был не один. А со своей суженой.

Всего только за неделю до того я покрестил свою суженую (так исчезло последнее препятствие к нашей будущей совместной жизни; так я это оцениваю сейчас, по прошествии пяти лет, а тогда я не верил в возможность нашей совместной жизни, тогда это была безнадежная любовь). Я очень ее люблю, суженую мою, и потому убежден, что о любви никто и никогда не писал верно. О любви слагали много нелепости и изрекали многие банальные истины, но никто и никогда не жил любовью, как живу я.

Я умираю без любви к этой женщине, я умираю без любви женщины ко мне. Нет ничего прекраснее и прекраснее, нежели жертвовать собой ради любви, но нет ничего достойнее, чем жертвовать всем на свете ради счастья ближних твоих – порожденных тобою на свет божий.

Я говорил себе, что я люблю женщину, с которой никогда не буду жить. Если она сумеет оставаться со мной, не желая обладать мною, – это будет величайшая женщина, это будет вдохновеннейшая любовь под небом.

Но мне кажется, что и я не способен на такую жертву. Да и достоин ли я такой жертвы, способен ли не извратить и не переокрасить эту великую радость и великое счастье незабвенности.

И не понимаю я, как это возможно, потому как пройдет еще некоторое время, и она захочет ребенка. Как тогда. Впрочем, не будем путаться, будет день и будет пища.

Мой взрослый герой, слава Богу! уже не столь самонадеян, не столь опрометчив, и не так поспешен, нежели прежде.

О, Господи! Открой мне новую дорогу к новой жизни на Земле, позволь поднять завесу над новыми человеческими качествами, помоги развить человечество к лучшему и чистому.

Господи! Подними над суетой, дай свет. И тогда может быть когда-нибудь мы с ней настанем друг для друга.

Особенность наших отношений в том, что я помогаю ей создавать себя по ее собственному замыслу, я ее увожу от обыденности в иной мир, мир совершенства и открытий, откровений и страдания, мир жертвенности и веры, красоты ума и интеллектуального развития, которому нет конца, и начала его никто не определял.

Удивительное событие. Я покрестил ее. Она счастлива. Я счастлив. Но я ничего не хочу о ней писать. Я просто люблю.

Я вырвал мою суженную из бытового иудаизма (чуть было не написал – иудейства, но иудейство закончилось в момент распятия Христа, после чего евреи разделились: часть создала христианство, другая часть, большая, превратила уже было вселенскую религию, иудейство, в сугубо националистическую, почти идеологию, – иудаизм) и из прежней обыденности. Ее предки по обеим линиям (но не ближе четвертого поколения от нее) – сознательные иудеи, ее родители просто пассивные противники любой религии, кроме иудаизма. Очень показательна их реакция на ее вхождение в православие – агрессивная обида, даже некоторое отторжение (поскольку для еврея – еврей – или никто, или иудей – пусть бы и бытовой, – иначе еврей – не еврей, а не еврей – не может быть близким человеком). Впрочем, отторжение быстро (надеюсь на то) прекратилось, по крайней мере внешне. Любовь кровная взяла свое. Внерелигиозность родителей оказалась полезной и единственно правильной в данной ситуации.

На смену миру блаженной радости (в момент крещения и сразу после того) приходит в мир души моей суженой осознание и потребность огромной работы над собой и окружающими. Это случается после крещения, после обретения себя в новом духовном мире, который единственный может подарить нам духовную свободу и духовное радушие. Помогай ей Господи, даруй нам всем силу, даруй защиту моей семье.

Русскому человеку нужны девять компонентов (остановимся пока на этом) для развития и становления материального и духовного самосознания: водка, солености, каша, баня, ежедневный ратный труд, царь, православная вера, монастырь, брак. И не важен порядок и иерархия – у каждого по разному, всякий может прийти к России по своему, с любой стороны, через любое из перечисленных качеств. Нет хотя бы одного – нет русского, нет русской нации, нет России. Что и было долгие годы.

Задача нынешнего православия – миссионерство без меры и числа, миссионерство всегда и во всем, всяко, потому что религиозное пространство жизни велико и емко, энергия сердец выливается в благодать и затем возвращается еще большей благодатью.

В Дивеево я подошел четырежды к Серафиму, и лишь в последние два раза я вновь вкусил этой силы, соединяющей землю и небо, продолжающейся мощью Серафима, осознаваемой людьми еще при его земной жизни, когда он еще не расставался с телесной оболочкой.

Вновь я, едва сдерживая страх и трепет перед нечеловеческими, надчеловеческими силами и глубинами бытия, явственно почувствовал вещественность энергии, соединяющей Серафима и небо, мир материальный и иной мир.

К концу дня я почувствовал себя открытым навстречу всем движениям души и мысли, посвященных Богу или собственной потусторонней жизни. Я понял, что главное в жизни – сильный, вечно в движении, разум, и сердце, напоенное любовью к жизни; а самое страшное – однажды понять, что ты никому не нужен, и тебе никто не нужен, то есть остаться с холод-

ным сердцем. Ибо без развитого разума невозможны духовные подвиги и жизнь, напоенная практикой потустороннего.

Уверен! Убежден, что ничего бы не совершил Серафим Саровский, когда бы не контролировал чувственную сторону жизни разумом.

Поразительна склонность и умение Серафима общаться с женщинами. Его огромная, – потенциально и в части воспроизводства, – энергия была им трансформирована (сублимирована) в интеллектуальную и духовную работу.

Можно предположить, что при общении с любимыми им послушницами старец Серафим испытывал и переживал, вероятно, те же ощущения, что и я во время познания женщины, но значительно более высокого свойства, ибо его отношения были совершенно платонические, на склоне лет уже и ангельские.

Вероятно, те же ощущения в общении с Серафимом переживали послушницы и монахини, которые переживали подобие мыслительно-эмоционального удовлетворения (возможно, и с истечением).

Серафим Саровский – это гений, великий человек. Будь он в миру – это был бы великий смутьян, или великий вождь, одной из сторон таланта которого была бы литература или война, или революция, или государственное созидание.

И я думаю, что из основных его трудностей – была борьба с жаждой власти и с жаждой женщины: отсюда, и ношение непомерных тяжестей (камней и цепей – вериг), и трехлетнее стояние на камне, и женское окружение, и нелюбовь к нему мужчин-монахов, и многолетний обет молчания, и затворничество.

Поздний вечер. В ноябре темнеет рано. Пора в дорогу. Нам ехать всю ночь. В монастыре понимаешь тщетность материальных притязаний и желаний, и отрицается весь этот мир обыденности, который часто и определяет меру пустоты и тщетности материального мира.

Я уезжаю. У меня на плече правом спит моя будущая жена.

В башке мерцают в мягком чувственном сердечном свете башмаки Серафима Саровского: коричневая толстая и грубая кожа, с пропущенной вокруг стопы у лодыжки кожаной же бечевой, вероятно, очень удобные и мягкие, хотя кажутся большими; их еще можно назвать – постолы, чоботы, но самое верное – мокасины; так что не индейская это придумка, это и в России всегда было; эти мокасины можно было набивать травой, шерстью, надевать какие угодно носки и тряпочки – и все было бы удобно, в мороз и зной, и ходить сквозь чащу, и стоять на камне, и идти по лугу и не касаться луга, и разговаривать с Богородицей, и спать в келье, и молиться в храме.

1996, ноябрь

Я в поезде по дороге из Москвы во Псков. Я долго стою в коридоре, темнота за окнами. Дети мои, старшие мои дочери Анна и Анастасия, спят, а у меня искреннее и полное, естественное ощущение, что еду к брату, которого зовут отец Иоанн (Крестьянкин), он – старец.

Старец Иоанн (Крестьянкин) – это линия саровского старца Серафима, который также и сам был звеном в линии, проходящей сквозь сердца всех русских старцев, начиная с киевского старца Феодосия, валаамских старцев Сергия и Германа, соловецких старцев Зосимы, Савватия и Германа и др. Предшественники отца Иоанна (Крестьянкина) канонизированы в ранге святых, тем труднее его труд.

Наша цель – Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь, единственный русский монастырь, который не был закрыт большевиками, единственный русский монастырь, в котором молитва не прерывалась на протяжении полутысячелетия.

Я невероятно удручен и сломлен. Впечатление, что меня можно брать голыми руками. Впечатление, что зря тому причина – мое христианское и моральное поведение. Хри-

стианин, значит, что-то среднее, какое-то существо, не обладающее признаками личности, с усредненным сознанием, усредненными принципами, усредненными знаниями, причем, в состоянии вечной подчиненности, а, главное, в состоянии сломленности.

Меня можно брать голыми руками, делать со мной все, кидать меня в любое место – я как бы и не личность вовсе.

Поскольку нет главного – Я.

То есть у меня уже даже не депрессия, а затяжной чудовищный кризис. Невероятный спад.

Христианская мораль – это прежде всего общинная психология. А я могу жить нормально, чувствовать себя живым и вовлеченным во время, только исповедуя личностную мораль. Правильно то, что правильно для меня.

И потому я вновь начинаю развивать личностные начала и проявления; все личностное – в развитие.

Нужны личностные поступки. Уйти от жены, означает уйти от семьи, но я не могу забыть глаз детей, когда я летом 1994 года приехал за ними на Дальний Восток, где они жили без меня почти два года, пока я устраивал жизнь в Москве, – боль и психологическое истощение. И без меня у детей куча проблем, они начинают разнообразно болеть душевно и телесно.

Но от жены идет что-то тяжелое, хотя и родное. Нет легкости жизни. Она этого не осознает.

Я не могу жить рядом с ней. Не могу работать, не могу писать.

Я иду дальше запретов, привычек, общинной морали, вбитых в меня стандартов поведения и привитых страхов перед бездной личностной жизни, не отягощенной общинной моралью и общинными принципами.

Я должен сделать то, о чем говорил много лет, и на грани чего суетился много лет подряд. Я должен перейти грань, отделяющую общинное бытие от личностного. Я боюсь. Но я перейду.

Пока не очень понимаю, о чем, собственно, речь. И какова цель этого нового бытия. Некая новая мерка моего нового состояния – это апрельские несколько дней в Питере в 1995 г., когда я решил, что начинаю жить с моей будущей суженой.

Эх, православие. Я мог бы жить с двумя женами, я, действительно, так себя осознаю, я очень хорошо отношусь к жене, я ее люблю, но это уже давно не любовь страсти, это любовь рассудка, это – благодарность. Этого недостаточно. Не ясно, почему.

Я хочу вытащить такие слова, поступки, которые бы позволили сохранить семью, и позволили бы семью приумножить, увеличить, воссоздать. Это следующий шаг – это теперь уже следующая задача, поскольку решение принято, как это ни трудно. Я думаю дальше, потому что дальше – это новая квартира, это новые деньги, новая деятельность и работа, работа, работа. Но, главное, это новые отношения. Моя суженая должна быть введена в семью, она должна стать членом семьи, как и мы все – должны стать членом единой семьи. И это будет новая модель семьи.

Господи! Как же это осуществить.

Вот эти решения и начинаю теперь воплощать.

Помятуя, что моя сила в обдуманности и неторопливости, ясности цели, твердости решения, убежденности смысла.

И, действительно, в игре с компьютерным шахматным экспертом я всегда выигрываю, когда возвращаюсь назад и переигрываю, мой проигрыш – от необдуманности, недостаточной ясности. В игре нет эмоций, в игре только логика и просчет.

Вчера был день рождения Даниила Андреева, поэта, мыслителя, сына писателя Леонида Андреева (одного из самых непосредственных и живых писателей в русской литературе

20 столетия, собственно, предвестника всех новейших литератур 20 столетия). Панихида, затем Новодевичье кладбище с белыми хризантемами и красными розами под деревянным осьмиконечным крестом. Весь день шел снег, было сумрачно и сыро, мглисто и зябко. Затем был вечер, посвященный Даниилу Андрееву, оказывается, он родился в Берлине ровно 90 лет назад, его мать прекрасная Александра умерла при рождении, и похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря, в этой же могиле похоронен и Даниил. И, оказывается, жива его вдова, которая пережила его на тридцать лет, благодаря которой он, собственно, стал известен, был напечатан, ей уже около восьмидесяти, она почти ничего не видит. Она читала на память мужа, стихи Андреева. Совершенно беспомощная старая женщина, совершенно преобразилась, когда произносила со сцены первые звуки. Затем играли Баха, органная музыка (дело было в музыкальном музее Глинки, в органном зале), играла молодая женщина, она была в черном до пола платье, с разрезом впереди практически до пояса, когда она села, повернувшись спиной к зрителям, она обнажила ноги (на органе ноги играют равно с руками) и внедрилась в орган, исследуя его возможности; орган – удивительный инструмент, человек играет руками и ногами, органист превращается в продолжение инструмента. Бах звучал, я думал, – а на протяжении вечера звучали прекрасные голоса солистов московской «Новой оперы», исполняющие, действительно, прекрасные куски из оперной классики (насколько я могу судить, не будучи знатоком), были там также и солисты из доморощенного театра композитора Алексея Рыбникова, они пели из «Литургии» Рахманинова, – не только, даже не столько об Андрееве, я думал о Москве – о ее качестве мировой столицы. Большинству присутствующих абсолютно или почти безразличен внешний вид; внешний вид совершенно на втором месте, есть лишь продолжение внутреннего мира. Соразмерность и гармония внутри – главная и основная мера жизни. Поэтому внешне эти люди неказисты, будто неряшливы, точнее, не видны, не броски. Важна внутренняя броскость – и это несоразмерно огромное поле для жизни и любви.

Я уже и не слушал, а мысленно говорил своей суженой, которая за полгода до того переехала с родителями в Германию: «Что ты там делаешь?! Довольно дурака валять. Родители решили уехать в Германию (точнее, из России), в спокойную от политики и прочей нервозности, страну, прекрасно, но ты-то здесь причем!? Хватит. Пора, наверное, возвращаться. Когда-то нужно начинать делать собственную жизнь, вне пожеланий родителей. Тем более, что ты не просто москвичка, ты уже и православная москвичка».

И это не выдумка. Это проверено. И я не могу делать литературу со своей нынешней женой, не могу. Я простодохну, как собака, которую кормят толченым стеклом, умираю лично, тупею, деградирую, выхолащиваюсь. Собственно, дело не в ней, дело во мне. Думаю, моя жена неосознанно делает все, чтобы меня задержать, мне помочь, а я уткнулся в психологический тупик.

Господи! Как же это сделать все? Не знаю. Речь вообще не о какой-то разовой задаче, речь о перевороте сущности, о перемене уровня базовых представлений о себе и мире. Знаю, вижу, как суженая моя могла бы войти в семью. Но как это сделать реально, не знаю, не вижу, не понимаю. Хотя вижу и понимаю – что нужно сделать.

Что происходит? Никак не могу начать делать свою литературу, не пишется. Я превратился в боязливого зайца. Но не могла умереть во мне страсть к новому качеству языка, интуиция к слову. Да и не умерла.

Моя деликатность превысила разумные пределы, когда уже начинается размывание сущности, когда нарушаются границы личного достоинства, и на территорию твоей сущности вторгаются чужаки – вот это и нужно остановить.

Странно, творчество превратилось в категорию выдуманного порядка, без суженой литература моя теряет предметность. Суженая вдыхает в меня ощущение новой реальности,

глупую, как будто бы, веру в существование своего мира, отдельного от сущих вокруг, на которые натыкаемся всегда и всюду.

Творчество в любой форме, а в литературной также, не есть подвиг – это есть только мужество, когда вокруг все идут, разгребая навоз, идут побыстрее, зажимая нос от запаха испражнений, а ты опускаешься на колени и начинаешь этот навоз пропускать сквозь пальцы, выискивая жемчуг, оброненный кем-то и когда-то, но наверняка оброненный – ты это знаешь. И все знают, что жемчуг есть, жемчуг был потерян, но всем противно копаться в говне, да и веры наивной нет в возможность найти хотя бы что-то ценное.

А у тебя есть такая наивная вера в невозможное. Но бывает, что у кого-то сохраняется эта наивная вера и естественное желание искать дерьмо в таком говне, куда бы и ты никогда не влез. Кажется, это и есть суженая моя, девочка моя. У нее и у меня есть такая наивная вера.

Гениальная грань схождения мира внутреннего и внешнего, мирное и мощное совместное развитие в точках соприкосновения – это и есть цель.

Уменьшение конфликтов с окружающим миром, потому как ты в него пришел однажды. Но и верно то, что окружающий мир всегда существовал внутри тебя.

Нужно найти непостыдное сочетание внешнего и внутреннего миров.

Вот.

За сим я и решил поехать к старцу Иоанну (Крестьянкину). Зачем? Почему?

Громкое счастье веры – цель поездки. А также нахождение согласия вне и внутри себя. Ответы на семейные вопросы. И подтверждение одной простой истины – не забывай, что ты умираешь в одиночестве. Однако, такая формулировка – это сегодня мало, сегодня нужно расширить отношения с миром.

Твое развитие – это когда ты умираешь на дороге полной людей, с которыми ты не можешь общаться, но не можешь не любить этих людей. Ты умираешь в одиночестве перед Господом. Но перед миром и собой – ты умираешь для людей, поскольку в центре самого населенного из миров – ты сам и есть этот мир, поскольку ты и есть его продолжение.

Довольно, забудь эту светскую суету под названием работа, ремесло, профессия, заработок, хотя, конечно, несмотря на то, что она не задевает меня глубоко, она отвлекает, но ведь она же и дает какие-то деньги, без которых невозможно продолжать жизнь. Жизнь на компромиссе замешана.

Я понимаю, почему я не могу играть в шахматы жизни, заниматься всякой суетой, под названием журналистика, деньгами и властью, – я переживаю страшное по напряжению устремление вперед, поэтому я не могу и не хочу задерживаться хотя бы на чем-то. Неинтересно, отвлекает, кажется незначительным и странным.

Господи! Дай мне устремление к пониманию моего устремления, дай мне смирение и понимание правильной грани, за которой нужно воспрепятствовать насилию и агрессию, глупости и пошлости, за которой нужно перестать жалеть и сочувствовать.

Я с детьми во Пскове. На вокзале – сумасшедшее открытие: во Пскове состоялось отречение от престола в феврале 1917 года последнего русского императора Николая II. Отречение произошло 2 марта 1917 года. 79 лет назад. Практически в годину роковую мы приехали на станцию, с которой начался разрыв России. А ведь, наверное, если бы Николай II спросил, что же делать, отче, у кого-нибудь из святых людей, ему бы отсоветовали сделать то, что он сотворил.

Абсолютно не торжественно, неброско, простая какая-то доска, внутри здания вокзала, справа от входной двери (затрапезной двери, будто в спальню, или, вот, в гостиную, которая начинается с вокзала, а продолжается всем миром), на которую наклеены блеклые черно-белые старые фотографии, сверху обтянутые полиэтиленовой пленкой. Все просто. А какая какофония и музыка угрозы прозвучала с неба. О! Боже!

Я смотрел на щит со старыми, блеклыми фотографиями Николая II, и думал о том, что прежде для власть имущих Россия была более своею, яснее, может быть и ближе, естественнее.

Одна главнейших тому причин – властная элита. Долгое время во главе России была аристократия. Затем партийная номенклатура КПСС, которая по партийному признаку была близка власти и друг другу – это была советская аристократия.

Монархическая и партийная аристократия служила ведь не только носителю и держателю власти, но и поневоле стране, народу, причем, служила не только в Москве, даже не столько в столице, но и повсюду, и это было не зазорно. Это было нормально, поскольку власть, как и армия, была равноправна для всех своих членов, во всех своих частях. Поэтому престижно и почетно было служить – отправлять власть – в любом месте. Важно, что была всегда награда в конце жизни, и соответствующий уровень жизни при жизни.

Сейчас пока не будут заложены основы новой властной элиты, класса власти – ничего не выйдет. Со всеми необходимыми признаками класса власти.

А еще этот странный герб города Пскова – рычащий, бьющий себя от злости хвостом, барс, и с неба, из сгущенных в кучу облаков, указующая перстом на барса твердая рука. Твердость, воля, устремленность и готовность к бою – вот изначальный образ Пскова. Гербовый барс – это честолюбие и храбрость, этот город никогда не брали приступом враги, а рука с неба – это отметина Бога.

Я не увиделся с отцом Иоанном, он болен, отвечает лишь на записки, передаваемые через келейницу. Я получил ответ, который знал сам. Я не узнал ничего нового о себе. Он рассматривает некую данность в границах мира под названием – христианин, а точнее верующий, православный, русский.

Отец Иоанн все обстоятельства, которые ему указывают, принимает за некую данность/данности, и эти данности он кладет в основание каждого нового объяснения, каждой новой теории, которую являет собой каждый новый человек, который предстает пред его очами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.